

И.С. Тургенев

**Полное собрание
сочинений**

Том 4-5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Полное собрание сочинений: Том 4-5 / И.С. Тургенев – М.: Книга по Требова-
нию, 2016. – 794 с.

ISBN 978-5-517-98406-7

ISBN 978-5-517-98406-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Часть первая.

„Поднимать слѣдуетъ новъ не по-
верхностно скользящей сохой, по глу-
боко забирающимъ плугомъ“.

Изъ записокъ *хозлина-агронома*.

I.

Весною 1868 года, часу въ первомъ дни, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской улицѣ человекъ лѣтъ двадцати-семи, небрежно и бѣдно одѣтый. Тяжело шлёпая стоштанними калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тѣло, человекъ этотъ достигнулъ наконецъ самаго верха лѣстницы, остановился передъ оборванной полураскрытой дверью — и, не позволивъ въ колокольчикъ, а только шумно вздохнуть, ввалился въ небольшую темную переднюю.

— Неждановъ дома? — крикнулъ онъ густымъ и громкимъ голосомъ.

— Его пѣтъ—я здѣсь, войдите,—раздался въ сосѣдней комнатѣ другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ.

— Машурина?—переспросилъ новоприбывшій.

— Она самая и есть.—А вы—Остродумовъ?

— Шименъ Остродумовъ,—отвѣчалъ тотъ, и старательно снявъ сперва калоши, а потомъ повѣсивъ на гвоздь

ветхую шинелишку, вошелъ въ комнату, откуда раздался женскій голосъ.

Низкая, неопрятная, со стѣнами выкрашенными мутно-зеленой краской, компата эта едва освѣщалась двумя запыленными окошками. Только и было въ ней мебели, что желѣзная кроватка въ углу, да столъ по серединѣ, да нѣсколько стульевъ, да этажерка, заваленная книгами. — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ тридцати, простоволо-сая, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, и курила папирску. Увидѣвъ вошедшаго Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тотъ такъ же молча пожалъ ее—и, опустившись на стулъ, досталъ изъ бокового карма-на полусломанную сигару. Машурина дала ему огня— онъ закурилъ, и оба, не говоря ни слова и даже не мѣ-нялись взглядами, принялись пускать струйки синеваго дыма въ тусклый воздухъ комнаты, уже безъ того доста-точно пропитанный имъ.

Въ обоихъ курильщикахъ было нѣчто общее, хотя чер-тами лица они не походили другъ на друга. Въ этихъ неряшливыхъ фигурахъ съ крупными губами, зубами, по-сами (Остродумовъ къ тому же еще былъ рябъ), сказыва-лось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

— Видѣли вы Нежданова?—спросилъ наконецъ Остро-думовъ.

— Видѣла; онъ сейчасъ придетъ. Книги въ библіотеку понесъ.

Остродумовъ силюнулъ въ сторону.

— Что это онъ все бѣгать сталъ? Никакъ его не поймашь. Машурина достала другую папирску.

— Скучаетъ,—промолвила она, тцательно ее разжигал.

— Скучаетъ!—повторилъ съ укоризной Остродумовъ.— Вотъ баловство! Подумаешь, занятій у насъ съ нимъ нѣту. Тутъ, дай Богъ всѣ дѣла обломать какъ слѣдуетъ — а онъ скучаетъ!

— Письмо изъ Москвы пришло?—спросила Машурина походя немного.

— Пришло... третьяго дня.

— Вы читали?

Остродумовъ только головой качнулъ.

— Ну... и что же?

— Чтò?—скоро ѣхать надо будетъ.

Машурина вынула папироску изъ рта.—Это отчего же? Тамъ, слышно, идетъ все хорошо.

— Идетъ, своимъ порядкомъ. Только человѣкъ одинъ подвернулся ненадежный. Такъ вотъ... смѣстить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другія есть дѣла.—Васъ тоже зовутъ.

— Въ письмѣ?

— Да; въ письмѣ.

Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученные сзади въ небольшую косу, они спереди падали ей на лобъ и на брови.

— Ну, что-жъ!—промолвила она:—коли выдетъ распоряженіе—разсуждать тутъ нечего!

— Известно, нечего. Только безъ денегъ никакъ нельзя; а гдѣ ихъ взять, самыя эти деньги?

Машурина задумалась.

— Неждановъ долженъ достать, — проговорила она вполголоса, словно про себя.

— Я заѣмъ самымъ и пришелъ,—замѣтилъ Остродумовъ.

— Письмо съ вами?—спросила вдругъ Машурина.

— Со мной. Хотите прочесть?

— Дайте... или пѣть, не нужно. Вмѣстѣ прочтемъ... послѣ.

— Вѣрно говорю, — пробурчалъ Остродумовъ: — не сомнѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

И оба затихли опять, и только струйки дыма попрежнему бѣжали изъ ихъ безмолвныхъ устъ и поднимались, слабо змѣясь, надъ ихъ волосистыми головами.

Въ передней раздался стукъ калошъ.

— Вотъ онъ!—шеннула Машурина.

Дверь слегка приотворилась, и въ отверстіе просунулась голова—но только не голова Нежданова.

То была круглая головка съ черными, жесткими волосами, съ широкимъ, морщинистымъ лбомъ, съ карими,

очень живыми глазками подъ густыми бровями, съ утинымъ, кверху вздернутымъ посомъ и маленькимъ, розовымъ, забавно-сложеннымъ ртомъ. Головка эта осмотрѣлась, закивала, засмѣялась—причемъ показала множество крошечныхъ бѣлыхъ зубковъ—и вошла въ комнату вмѣстѣ со своимъ тщедушнымъ туловищемъ, короткими ручками и пемного кривыми, немного хромыми пожками. И Машурина и Остродумовъ, какъ только увидали эту головку, оба выразили на лицахъ своихъ нѣчто въ родѣ снисходительнаго презрѣнія, точно каждый изъ нихъ внутренно произнесъ: „А! *этотъ!*“—и не проронили ни единого слова, даже не пошевельнулись. Впрочемъ, оказанный ему пріемъ не только не смутилъ повопоявившагося гостя, но, кажется, доставилъ ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Что сіе означаетъ?—произнесъ опъ пискливымъ голоскомъ.—Дуэтъ? Отчего же не трио? И гдѣ же главный теноръ?

— Вы это о Неждановѣ любопытствуете, г-нъ Паклинъ?—проговорилъ съ серьезнымъ видомъ Остродумовъ.

— Точно такъ, г-нъ Остродумовъ: о немъ.

— Онъ вѣроятно скоро прибудетъ, г-нъ Паклинъ.

— Это очень пріятно слышать, г-нъ Остродумовъ.

Хроменькій человекъ обратился къ Машуриной. Она сидѣла, насупившись—и продолжала, не спѣша, попыкивать изъ папироски.

— Какъ вы поживаете, любезнѣйшая.. любезнѣйшая.. Вѣдь вотъ, какъ это досадно! Всегда я забываю, какъ васъ по имени и по отчеству!

Машурина пожала плечами.

— И совсѣмъ это не пужно знать! Вамъ моя фамилія извѣстна. Чего же больше!—И что за вопросъ: какъ вы поживаете?—Развѣ вы не видите, что я живу?

— Совершенно, совершенно справедливо!—воскликнула Паклинъ, раздувая ноздри и подергивая бровями: — не были бы вы живы — вашъ покорный слуга не имѣлъ бы удовольствія васъ здѣсь видѣть и бесѣдовать съ вами!—Принишите мой вопросъ застарѣло-дурной привычѣй. Вотъ и насчетъ имени и отчества.. Знаете: какъ-то не-

ловко говорить прямо: Машурина!—Мнѣ, правда, извѣстно, что вы и подъ письмами вашими иначе не подписываетесь, какъ: Бонапартъ!—тѣ бишь: Машурина! — Но все-таки, въ разговорѣ...

— Да кто васъ просить со мной разговаривать?

Паклинь засмѣялся первически, какъ бы захлебываясь.

— Ну, полпоте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь, вѣдь я знаю: вы предобрая — и я тоже добрый... Ну?..

Паклинь протянулъ руку... Машурина посмотрѣла на него мрачно—однако подала ему свою.

— Если вамъ непременно нужно знать мое имя,—промолвила она все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ—извольте: меня зовутъ Феклой.

— А меня—Пименомъ,—прибавилъ басомъ Остродумовъ.

— Ахъ! это очень... очень поучительно! Но въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, о, Фекла! и вы, о, Пимень! скажите мнѣ, отчего вы оба такъ недружелюбно, такъ постоянно-недружелюбно относитесь ко мнѣ, между тѣмъ какъ я...

— Машурина находить, — перебилъ Остродумовъ: — и не она одна это находить — что, такъ какъ вы на всѣ предметы смотрите съ ихъ смѣшной стороны, то и положиться на васъ нельзя.

Паклинь круто повернулся на каблукахъ.

— Вотъ она, вотъ постоянная ошибка людей, которые обо мнѣ судятъ, почтеннѣйшій Пимень! Во-первыхъ: я не всегда смѣюсь; а во-вторыхъ—это ничему не мѣшаетъ и положиться на меня можно, что и доказывается лестнымъ довѣремъ, которымъ я не разъ пользовался въ вашихъ же рядахъ! Я честный человѣкъ, почтеннѣйшій Пимень!

Остродумовъ промычалъ что-то сквозь зубы, а Паклинь покачалъ головою и повторилъ, уже безъ всякой улыбки:

— Нѣтъ! я не всегда смѣюсь! Я вовсе не веселый человѣкъ! Вы посмотрите-ка на меня!

Остродумовъ посмотрѣлъ на него.—Дѣйствительно, когда Паклинь не смѣялся, когда онъ молчалъ, лицо его принимало выраженіе почти унылое, почти зануканное: оно становилось забавнымъ и даже злымъ, какъ только онъ

раскрывалъ ротъ. Остроумовъ однако ничего не сказалъ.

Паклинь снова обратился къ Машуринѣ.

— Ну, а ученіе какъ подвигается? Дѣлаете вы успѣхи въ вашемъ истинно-человѣколюбивомъ искусствѣ? Чай, штука трудная — помогать неопытному гражданину при его первомъ вступленіи на свѣтъ Божій?

— Ничего, труда нѣтъ, коли онъ не много больше васъ ростомъ,—отвѣтила Машуринина, только-что сдавшая экзаменъ на повивальную бабушку,—и самодовольно ухмыльнулась. Года полтора тому назадъ, она, бросивъ свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, что было сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы.

Услышавъ ея отвѣдъ, Паклинь снова разсмѣялся.

— Вы молодецъ, моя милая!—воскликнулъ онъ.—Славно меня отбрили! По-дѣломъ мнѣ! Зачѣмъ я такимъ карликомъ остался! Однако, гдѣ же это пропадаетъ нашъ хозяинъ?

Паклинь не безъ умысла перемѣнилъ предметъ разговора. Онъ никакъ не могъ помириться съ крохотнымъ своимъ ростомъ, со всей своей невзрачной фигуркой. Это было ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ страстно любилъ женщинъ. Чего бы онъ не далъ, чтобъ правиться имъ! Сознаніе своей мизерной паружности гораздо больнѣе грызло его, чѣмъ его низменное происхожденіе, чѣмъ незавидное положеніе его въ обществѣ. Отецъ Паклина былъ простой мѣщанинъ, дослужившійся всякими неправдами до чина титулярнаго совѣтника, ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ, аферистъ. Онъ управлялъ имѣніями, домами, и зашибъ-таки копейку; но сильно шлѣть подъ конецъ жизни и ничего не оставилъ послѣ своей смерти. Молодой Паклинь (звали его: Сила... Сила Самсонычъ,—что онъ также считалъ насмѣшкой надъ собою)—воспитывался въ коммерческомъ училищѣ, гдѣ отлично выучился нѣмецкому языку.

Послѣ различныхъ, довольно тяжелыхъ передрыгъ, онъ попалъ, наконецъ, въ частную контору на 1,500 р. с. годового содержанія. Этими деньгами онъ кормилъ себя, большую тетку, да горбатую сестру. Во время нашего разсказа ему только-что пошелъ 28-й годъ. Паклинъ знался со множествомъ студентовъ, молодыхъ людей, которымъ онъ нравился своей цинической бойкостью, веселой желчью самоувѣренной рѣчи, односторонней, но несомнѣнной начитанностью, безъ педантизма. Лишь изрѣдка ему доставалось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опоздалъ на политическую сходку... Войдя, онъ тотчасъ началъ торопливо извиняться... — „Трусовать былъ Паклинъ бѣдный“ — зашѣлъ кто-то въ углу — и всѣ расхохотались. Паклинъ наконецъ засмѣялся самъ, хоть и скребло у него на сердцѣ. „Правду сказалъ, мошенникъ!“ — подумалъ онъ про себя. Съ Пеждановымъ онъ познакомился въ греческой кухмистерской, куда ходилъ обѣдать, и гдѣ выражалъ подчасъ весьма свободныя и рѣзкія мнѣнія. Онъ увѣрялъ, что главной причиной его демократическаго настроенія была скверная греческая кухня, которая раздражала его печень.

— Да... именно... гдѣ пронадеетъ нашъ хозяинъ? — повторилъ Паклинъ. — Я замѣчаю: онъ съ нѣкоторыхъ поръ словно не въ духѣ. Ужъ не влюбленъ ли онъ, Боже сохрани? Машурнина нахмурилась.

— Онъ пошелъ въ бібліотеку за книгами, — а влюблялся ему некогда и не въ кого.

„А въ васъ?“ чуть-было не сорвалось съ губъ у Паклина.

— Я потому желаю его видѣть, — промолвилъ онъ громко: — что мнѣ нужно переговорить съ нимъ по одному важному дѣлу.

— По какому это дѣлу? — вмѣшался Остроумовъ. — По нашему?

— А можетъ быть и по вашему... т.-е., по нашему, общему.

Остроумовъ хмыкнулъ. Въ душѣ онъ усомнился, по тутъ же подумалъ: „А чортъ его знаетъ! Вишь онъ какой пролазъ!“

— Да вотъ онъ идетъ наконецъ, — проговорила вдругъ Машурнина — и въ ея маленькихъ, некрасивыхъ глазахъ,

устремленныхъ на дверь передней, промелькнуло что-то теплое и пѣжное, какое-то свѣтлое, глубокое, внутреннее пятнышко.

Дверь отворилась, и на этотъ разъ, съ картузомъ на головѣ, со связкой книгъ подъ мышкой, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, самъ Неждановъ.

II.

При видѣ гостей, находившихся въ его комнатѣ, онъ остано­вился на порогѣ двери, обвелъ ихъ всѣхъ глазами, сбросилъ картузь, уронилъ книги прямо на полъ—и молча, добравшись до кровати, прикорнулъ на ея краѣ. Его красивое бѣлое лицо, казавшееся еще бѣлѣе отъ тепло­краснаго цвѣта волнистыхъ рыжихъ волосъ, выражало не­удовольствіе и досаду.

Машурина слегка отвернулась и закусила губу; Остро­думовъ проворчалъ:

— Наконецъ-то!

Паклинь первый приблизился къ Нежданову.

— Что съ тобой, Алексѣй Дмитриевичъ, російскій Гамлетъ? Огорчилъ кто тебя? Или такъ—безъ причины—взгрустнулось?

— Перестань пожалуйста, російскій Мефистофель,— отвѣчалъ раздраженно Неждановъ.— Мнѣ не до того, чтобы препираться съ тобою плоскими остротами.

Паклинь засмѣялся.

— Ты неточно выражаешься: коли остро, такъ не плоско, коли плоско, такъ не остро.

— Ну, хорошо, хорошо... Ты, извѣстно, умница.

— А ты въ нервномъ состояннн, — произнесъ съ раз­стаповкою Паклинь.— Али въ самомъ дѣлѣ что случилось?

— Ничего не случилось особеннаго; — а случилось то, что нельзя носа на улицу высунуть, въ этомъ гадкомъ го­родѣ, въ Петербургѣ, чтобъ не наткнуться на какую-ни­будь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на ченуху! Жить здѣсь больше невозможно.

— То-то ты въ газетахъ публиковалъ, что ищешь конди­ціи и согласенъ на отъѣздъ, — проворчалъ опять Остродумовъ.

— И конечно; съ величайшимъ удовольствіемъ уѣду отсюда! Лишь бы нашелся дуракъ—мѣсто предложилъ!

— Сперва надо *здѣсь* свою обязанность исполнить,—значительно проговорила Машурина, не переставая глядѣть въ сторону.

— То-есть?—спросилъ Неждановъ, круто обернувшись къ ней. Машурина стиснула губы.

— Вамъ Остродумовъ скажетъ.

Неждановъ обернулся къ Остродумову. Но тотъ только крякнулъ и отканхлялся:— „погоди-моль“.

— Нѣтъ, не шутя, въ самомъ дѣлѣ, — вмѣшался Паклинь:—ты узналъ что-нибудь, непріятность какую!

Неждановъ подскочилъ на постели, словно его что подбросило.

— Какая тебѣ еще непріятность пужна? — закричалъ онъ внезапно зазвѣвшимъ голосомъ. — Поль-Россіи съ голода помираетъ. „Московскія Вѣдомости“ торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студепческія кассы запрещаются, вездѣ шпіонство, притѣсенія, доносы, ложь и фальшь—шагу намъ ступить некуда... а ему все мало, онъ ждетъ еще новой непріятности, онъ думаетъ, что я шучу... Басанова арестовали,—прибавилъ онъ, пѣсколько понизивъ топь:—миѣ въ библіотекѣ сказывали.

Остродумовъ и Машурина оба разомъ приподняли головы.

— Любезный другъ, Алексѣй Дмитріевичъ, — началъ Паклинь:—ты взволпованъ—дѣло понятное... Да развѣ ты забылъ, въ какое время и въ какой странѣ мы живемъ?—Вѣдь у насъ утопающій самъ долженъ сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться!—Гдѣ ужъ тутъ миндальничать?! Надо, братъ, чорту въ глаза умѣть смотрѣть, а не раздражаться по-ребячьи...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! — перебилъ тоскливо Неждановъ, и даже сморщился, словно отъ боли. — Ты, известное дѣло, энергическій мужчина,—ты ничего и никого не боишься...

— Я-то никого не боюсь?!—началъ-было Паклинь...

— Кто только могъ выдать Басанова? — продолжалъ Неждановъ:—не понимаю!

— А известное дѣло — пріятель. — Они на это молодцы, — пріятели-то. Съ ними держи ухо востро! Былъ у меня, напрямѣръ, пріятель — и, казалось, хорошей чело-вѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... — „Представьте“, кричить: „какую объ васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной — и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды. — Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!“ — И что же? Годъ спустя, рассорился я съ этимъ самымъ пріателемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю! — Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!..“ и т. д., и т. д. — Вотъ каковы пріятели!

Остроумовъ переглянулся съ Машуриной.

— Алексѣй Дмитріевичъ! — брякнулъ онъ своимъ тяжелымъ басомъ, — онъ явно желалъ прекратить возникавшее бесполезное словоизверженіе: — отъ Василия Николаевича письмо изъ Москвы пришло.

Неждановъ слегка дрогнулъ и потушился.

— Чтò онъ пишетъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Да вотъ... намъ вотъ съ ней... — Остроумовъ указалъ бровями на Машурину: — ѣхать надо.

— Какъ? и ее зовутъ?

— Зовутъ и ее.

— Зачѣмъ же дѣло стало!

— Да известно зачѣмъ... за деньгами.

Неждановъ поднялся съ кровати и подошелъ къ окну.

— Много нужно?

— Пятьдесятъ рублей... Меньше нельзя.

Неждановъ помолчалъ.

— У меня теперь ихъ нѣтъ, — прошепталъ онъ наконецъ, постукивая пальцами по стеклу: — но... я могу достать. Я достану. Письмо у тебя?

— Письмо-то? Оно... то-есть... конечно...

— Да что вы все отъ меня хоронитесь? — воскликнулъ